

Темуров Жавохир Бахромжон угли, г. Тюмень
Медведев Александр Александрович, г. Тюмень

**«ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, ВОСТОК!»:
МИФ О ВОСТОКЕ В ТАШКЕНТСКИХ СТИХАХ
А. А. АХМАТОВОЙ**

По словам Вяч. Вс. Иванова, «русская поэзия включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, делящейся в опыте современности» [3: 424]. Уже поэтический псевдоним Ахматовой отсылает к Востоку: «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь стать русским поэтом, я сделала своим литературным именем» [6]. Но глубокий интерес Ахматовой к Востоку и восточной культуре начинается во время ее ташкентского периода. Ахматова находилась в эвакуации в Ташкенте с 1941 по май 1944 г. В стихах этого периода она обращается к Востоку, его природе и культуре, создавая свой поэтический миф о нем.

Во-первых, основой этого мифотворчества становится сама природа Востока, например, в стихотворении «С грозных ли площадей» (1942): «Ты прислал мне такую прохладу, / Тополями украсил ограды / И азийских светил мириады / Расстелил над печалью моей?» [1: 17]. В произведениях восточных писателей тополь — символ величия и мудрости. В устном народном творчестве используются пословицы, поговорки, фразеологизмы, где присутствует слово «тополь» (по-узбекски — «терАк»): *Qora terAk* (букв. черный тополь) — «человек знатный», который может подать руку помощи в нужный момент. *Sen ekkan teraklar kesilib ketkan* (букв. твои тополя срублены) — «твое время прошло».

В ташкентских стихах Ахматовой упоминаются фрукты, которые в мусульманской традиции считаются плодами райского сада, о чем говорится в Коране, с которым, судя по всему, Ахматова была хорошо знакома. В стихотворении «И в памяти, словно в узорной укладке» (1944) ключевым является образ граната: «И царственный карлик, / Гранатовый куст...» [1: 63]. В Коране гранат выступает символом райского наслаждения: в одном из райских садов цветет гранатовое дерево как символ изобилия и умиротворенности: («نَأْمُرُوْا لِّخَنْوَةٍ ذٰلِكَ افْءَامِهِيْف» 68) — «в котором фрукты, пальмы и гранаты (68)) [9: 534].

В стихотворении «Нам родина пристанище дала» (1943) ключевые образы Востока — розы и виноград: «Бессмертных роз, сухого винограда / Нам родина пристанище дала...» [1: 42]. «Бессмертный» указывает на то, что красота Востока не временная, а вечная, бессмертная. «Сухой виноград» — обычно узбеки сушат виноград, чтобы он долго хранится и сохранял свои вкусовые качества (узб. «майиз» — рус. «изюм», «кишмиш»). И это словосочетание также подтверждает мысль о бессмертии.

В стихотворении «Interieur» (1944) образ Востока представлен через образ луны: «Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни / На краешке окна, и духота кругом» [1: 68]. Ахматова сравнивает луну с ломтем дыни, так как обычно в Узбекистане дыню режут кусками, и эти куски напоминают раннюю луну, вид которой вызывает у автора изумление и восторг. Слово «чарджуй» с персидского переводится как «четыре канала, источника». «Чарджуй» — название одного из районов Туркменистана, который прославился своими бахчевыми культурами. Из этого района во все уголки Союза (в том числе в Ташкент) завозились дыни и арбузы. На базарах Ташкента бахчевые Чарджуя высоко ценились и продавались нарасхват. На Востоке ломоть дыни или арбуза принято оставлять на подоконнике, чтобы в доме пахло сладкой дыней или арбузом.

В стихотворении «Теперь я всех благодарю» (1945) миф о Востоке раскрывается через символику синего (лазурного) цвета: «Я восемьсот волшебных дней / Под синей чашею твоей, / Ляпислазурной чашей / Тобой дышала, жгучий сад...» [1: 96]. Оттенки синего в восточной культуре многогранны по семантике. Они ассоциируются с магической составляющей мира, умиротворяют и настраивают на созерцание или размышления. «Ляпислазурный» (от лат. lapis — «камень») — минерал от синего до голубовато-серого цвета, лучшими считают камни сочно-синие или сине-фиолетовые, а также насыщенно голубые. Название «ляпис-лазурь» появилось в раннем Средневековье. Слово «лазурь» происходит от перс. «دروژال» — лājвард — синий камень, лазурит. Цвет неба сравнивается с цветом лазурного камня. В персидском слово «жом» (по-русски «чаша») при переводе означает «небо», под которым живут верующие в Бога люди, внутренне и внешне чистые, которых Бог вознаградит в Судный день местом в раю. Персидский поэт XV века Абдурахман Джамии взял в качестве псевдонима именно это слово («джамий» от слова «жом» — «небесный, чистый»). Этими образами («синяя чаша», «ляпислазурная чаша») Ахматова делает акцент на это слово: «*Joylari jannatning bog'ida bo'lsin, / Jomlarig'a kavsar ziloli to'lsin. / Bergil o'sha quyosh mayidan olib, / Afsonaviy Jamshid jomiga solib* [Да будет их место в Эдемском саду / Пусть чаши наполнятся водой «кавсар» / Дай забрать этот солнечный свет, / Легендарной тарелкой Джамшида] [8: 13-14].

Во-вторых, Ахматова мифологизирует человека Востока. Так, в стихотворении «Заснуть огорченной» (1943) Ахматова называет героиню сказок «Тысяча и одна ночь»: «Шехерезада / Идет из сада... / Так вот ты какой, Восток!» [1: 22]. Это стихотворение посвящено Галине Герус (Козловской), которая в 1937 г. была сослана в Ташкент вместе с мужем, ленинградским композитором А. Ф. Козловским. В Ташкенте они были близкими друзьями Ахматовой. Г. Л. Козловская вспоминала о предыстории этого стихотворения: «Мой муж часто водил ее гулять по старому городу, который знал и любил. Привел он ее как-то и в тот «рай», в котором были прожиты три года нашей ссылки. Два дома, два сада с черешнями и персиками, которые то цвели, то плодоносили, серебристая благоуханная джида, огромный тополь и урючина, закрывавшая половину сада. Тут было все: и виноградная лоза, и розовый куст, и арык, бегущий вдоль дорожек, где кудрявится душистая мята всех цветов» [4]. Ахматова называла Герус «моя Шехерезада». Н. Гумилёв также питал интерес к восточным сказкам и писал о Шехерезаде в стихотворении «Об озёрах, о павлинах белых» (1917): «Словно нежная Шехерезада / Завела магический рассказ, / И казалось, ничего не надо / Кроме этих озарённых глаз» [2: 255].

В Ташкенте Ахматова дружила с представителями литературного круга разных национальностей — с Айбеком, Гулямом, Чусты, Каххаром, Халимой, о чем она упоминает в стихотворении «Все опять возвратится ко мне» (1943): «Все опять возвратится ко мне: / Раскаленная ночь и томленье / (Словно Азия бредит во сне), / Халимы соловьиное пенье, / И библейских нарциссов цветенье, / И незримое благословенье / Ветерком шелестнет по стране» [1: 56]. Халима Насырова — известная узбекская певица, которая пела песни на газели Лютфи, которого любила Ахматова.

В стихотворении «Теперь я всех благодарю» (1945) Ахматова называет ребенка «баранчуком»: «И маленьким баранчукам / У черноколых матерей / На молодых руках...» [1: 75-76, 96]. Поскольку узбекский и татарский принадлежат к одной языковой семье, некоторые слова стали общими. «Баранчук» — татарское слово, означающее детёныша барана (узбекский эквивалент — «кўзичОк» — барашек). В узбекском народе овца (или ягненок) — символ беспомощности, например, в узбекской пословице «кўй оғзидан чўп олмаган» (в значении мухи не обидит) — «тихий, мягкий, нежный, беспомощный». Ребенок беспомощен, как ягненок, поэтому узбечки называют своих детей ягнятами. Образ ребенка-ягненка присутствует в переведенном Ахматовой стихотворении «Ты не сирота» узбекского поэта Г. Гуляма, которого считала одним из лучших поэтов Азии: «Спи мой мальчик, ягненок мой белый усни. / Я — отец! Я что хочешь тебе подарю, / Станут счастьем моим все заботы твои» [5].

В-третьих, восточный миф Ахматова строится на исторических аллюзиях — отсылках к историческим лицам, событиям, традициям Востока. В стихотворении «На смоленском кладбище» (1942): «Восток еще лежал не познанном пространстве / И громыхал вдали как грозный вражий стан» [1: 29]. Вероятно, Ахматова имеет в виду историю с Тамерланом, который в 1395 г. пытался захватить Москву, но отступил после заступничества Владимирской иконы Божией Матери. Исторический контекст важен и в стихотворении «Этo рысьи глаза твои, Азия» (1945): «Этo рысьи глаза твои, Азия, / Чтo-тo высмотрели во мне...» [1: 116]. Рысь традиционно считалась очень умным животным, ее отличительная черта — способность видеть сквозь различные преграды, поэтому ее трудно поймать. Ее остроглазость стала символом отваги. Вероятно, Ахматова имеет в виду устрашающие глаза легендарного полководца Востока Тамерлана: как указывает историк Ибн Арабшах, «глаза его были подобны свечам, но без блеска» [7].

В-четвертых, в ташкентские стихи Ахматова часто вводит образы, отражающие повседневный восточный быт. Так, в стихотворении «Заснуть огорченной» (1942): «Мангалочий дворик, / Как дым твой горек» [1: 22]. «Мангалочий дворик» — на ближнем Востоке жаровня, медная чаша на ножках с широкими горизонтальными полями, двумя ручками для переноски и полусферической крышкой. Внутри мангала ставят медную или глиняную чашку с горячими (древесными) углями. Бытовые реалии вводятся и в стихотворении «Еще одно лирическое отступление» (1943): «Все небо в рыжих голубях, / Решетки в окнах — дух гарема... / Как в доме, где душистый мрак / И окна заперты от зноя, / И где пока что нет героя, / Но кровлю кровью залил мак...» [1: 51-52]. В древности у восточных ханов были гаремы. В этих гаремах содержалось, как в плену, более сотни жен. Мужчин в гаремы не впускали, поэтому окна были зарешечены. Когда тюльпаны цветут, дует сильный ветер, поэтому их лепестки разносятся во все стороны. Во время жары окна в доме закрываются, чтобы было прохладно. «Душистый мрак» — свежий перец сушат в домах, и его запах наполняет весь дом.

В стихотворении «И я все расскажу тебе» (1942) возникает образ чайханы: «И я все расскажу тебе: / Как промчался «афганец» дикий. / И чей лик на белой луне, / Чтo нашепчут еще арыки, / Чтo подслушаю в чайхане» [1: 35]. «Чайхана» — слово тюркского происхождения, которое воссоединяет в себе два слова: «чай» и «хана» — в буквальном смысле комната, где пьют чай и ведут беседу в основном старики.

В-пятых, на создание мифа о Востоке на Ахматову повлиял и ее опыт переводов восточных поэтов, в которых она выступает за сохранение подлинного духа. Переводы помогали поэту освоить чужую культуру, при этом Анна Андреевна всегда старалась сохранить дух и образность оригинала. Занимаясь переводами, Ахматова освоила чужую культуру, перевоплотилась в человека иного мировосприятия. В ее стихах преобладает «природная» точка зрения на мир, а человеческая душа вступает в согласие с законами бытия, снимается возможность «бунта» против несправедливости этих законов («природа есть добро»).

В ташкентских стихах Ахматова присутствуют восточные жанры (сиджо, двустишие и т. д.), восточная философия природы и культуры, которые настолько сближают лирику Ахматовой с поэзией Востока, что читатель может подумать, что такие выражения, как «предвечные розы», «мой древний дом», «всезнающие уста», «мангалочий дворик», «высокий тополь», «красный мак», «баранчук» принадлежат не русскому, а восточному поэту.

Таким образом, Ахматова мифологизирует образ Востока на следующих уровнях:

— природа «азиатского» Востока (отсылающая в том числе к восточным поэтическим и мусульманским традициям) позволяет Ахматовой создать ощущение древнего, вечного, вневременного, «бессмертного» Востока;

— Восток мифологизируется через образы восточного человека, также отсылающие к восточным поэтическим и мусульманским традициям; одним из источников этой мифологизации была для Ахматовой поэзия Гумилева;

— Восток мифологизируется через исторические аллюзии — отсылки к историческим лицам, событиям, традициям Востока (к Тамерлану и культуре его правления); Восток соотносится с мужским началом;

— мифологизируются бытовые, повседневные реалии Востока.

При создании восточного мифа, передаче восточного колорита Ахматова использует узбекские слова и выражения, слова персидско-тюркского происхождения («мангалочий дворик», «хАйр», «джигит», «рахмАт», «анхАр», «арык», «чёрный райхан» и др.). Поэт никогда не злоупотребляет восточным колоритом — пиалой, тюбетейками, аксакалами и т. д., но расширяет пространство своего «азиатского дома» до общевосточного — Ташкент, Самарканд, Дюрмень (Дом писателей в Ташкенте), Каир, Бирма, Кашмир, Китай.

Мифологизация Востока в нескольких измерениях (природа, человек, история, быт, традиции, язык, опыт переводчика) позволяет Ахматовой целостно и широко изобразить Восток как «колыбель человечества», «колыбель цивилизации». Любовь к чужой культуре становится основой проявления любви и ко своей культуре, и всему миру.

Список литературы

1. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. 640 с.
2. Гумилев Н. Собрание сочинений: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 2. 372 с.
3. Иванов Вяч. Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы: Стихотворения и поэмы: сборник / сост. Л. Е. Черкасский, В. С. Муравьев. М.: Наука, 1985. С. 424-470.
4. Козловская Г. Л. Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание. URL: <https://biography.wikireading.ru/253911> (дата обращения: 29.06.2021).
5. Николенко Л. Письма о Ташкенте. URL: <https://mytashkent.uz/2010/04/17/gafurgulyam-tyi-ne-sirota> (дата обращения: 29.06.2021).
6. Служевская И. «Так вот ты какой, Восток!..». Азия в лирике А. Ахматовой ташкентской поры. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/sluzhevskaya-tak-vot-ty-kakoj-vostok.htm> (дата обращения: 29.06.2021).
7. Якубовский А. Тамерлан — покоритель Азии. URL: https://mir-knig.com/read_417953-11 (дата обращения: 29.06.2021).
8. Abdurahmon Jomiy. Layli va Majnun. Toshkent: G'ofur G'ulom, 1989.
9. Қуръони Карим Т. Hilol-nashr, 2018.